

*Е. Е. Дудникова, Л. Г. Интымакова (Таганрог, Россия)
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)*

Социальная реальность: онтологический статус и его трансформация в различных дискурсивных практиках

Статья посвящена анализу онтологического статуса понятия социальной реальности и его трансформации в различных дискурсивных практиках. Авторы акцентируют внимание на том, что социальная реальность становится предельной реальностью, через которую устанавливаются статусы всех остальных реальностей.

Ключевые слова: социальная реальность, степени реальности, дискурсивное поле, онтологический статус, феноменология, герменевтика, интерпретация

Современное понимание реальности общества наталкивается на постмодернистские отказы от законодательного разума, классических критериев рациональности и т.п. Более того, уже ставшие общим местом надежды на экспоненциально ускоряющийся темп изменения социальных структур, дестрадиционализация культуры и конвенциональное разрушение делают социальную реальность чрезвычайно хрупкой. И тем не менее она становится предельной реальностью, через которую устанавливаются статусы всех остальных реальностей. Более того, она становится просто реальностью, т.е. «возвращается» в поле философии.

Рассматривая понятие социальной реальности как фундамент онтологии, в том числе и региональной, необходимо заняться выявлением того онтологического статуса, который принадлежит понятию реальности в современной философии. Мы выявили, что экспликация данного понятия в значительной степени затруднена из-за его парадигматичности и одновременного присутствия в различных дискурсивных практиках (философской, научной, обыденно-практической и т.п.).

Для восстановления первоначального смысла понятия реальности, а также для выявления его последующей эволюции потребовались нетрадиционные феноменолого-герменевтические методики [1, с. 213].

Современное понятие общества в наше время кажется абсолютно очевидным. Частота употребления этого слова в философском, научном и обыденном языке чрезвычайно высока. Создается иллюзия, что так было всегда, что во все времена и во всех культурах существовали слова со сходным смыслом. На самом же деле тот смысл, который сегодня вкладывается в слово «общество», родился только на рубеже XVIII и XIX столетий под влиянием математического естествознания.

Родоначальник теоретической социологии О. Конт предполагал, что социальные явления в принципе те же, что и явления природы, методы их исследования должны быть заимствованы из естествознания. Однако уже в XIX веке стало ясно, что предмет социологии имеет качественную специфику. Э. Дюркгейм, выдвинувший положение, согласно которому социальные факты должны рассматриваться как вещи, так разъяснял специфику социального: категорию социальных фактов «составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются» [2, с. 47].

Историки социологии часто проводят параллель между спором о первичности общества и средневековым спором об универсалиях. Спор о том, что первично – общество или индивид, социальная норма или конкретное действие, социальная реальность и ее законы или человеческие помыслы и представления, – выявил существование нескольких основных стратегий обоснования.

Первая стратегия (условно ее можно назвать метафизической) исходит из апелляции к неким очевидным «принципам бытия и мышления». Главный аргумент, который мы встречаем у его приверженцев, – это вера в мировую гармонию или экстралогические критерии простоты и красоты.

Вторую стратегию с еще большей степенью условности позволительно назвать научной. Она может быть понята по аналогии с введением в физику понятия гравитационного или электромагнитного поля. Вопрос о его реальности является, с точки зрения физиков, псевдovoпросом.

Говоря о социальной реальности, теоретики социологии подразумевали присутствие в способах человеческого взаимодействия чего-то внешнего, независимого от их воли и интересов. Эта внешняя сила оказывается способной препятствовать или способствовать реализации намерений. Как и силы природы, эта сила может быть познана и учтена. Однако для этого должны быть выявлены и сформулированы законы, которым подчиняется деятельность социальных сил.

Что же отличает социальные феномены от природных? По мнению У. Томаса и Ф. Знанецкого, корректно ответить на этот вопрос можно, лишь проводя сравнение их следствий. Следствие физического явления всецело зависит от его «объективной природы», «социальная же причина не может быть проста, как естественная причина; она сложна и должна включать в себя как объективный, так и субъективный элементы, ценность и установку» [6, с. 214].

Толкотт Парсонс, живший в эпоху кибернетики и использовавший многое из ее арсенала, рассматривает различные степени реальности как иерархические характеристики отдельных подсистем. «Критерий самодостаточности может быть разделен на пять подкритериев, каждый из которых относится к одному из пяти внешних окружений социальной системы – «Предельной ре-

альности, Культурной системе, Системе личности, Организму и Физико-органическому окружению». Под «предельной реальностью» автор понимает внешнюю среду, располагающуюся выше человеческого действия. Это некая совокупность смыслов, среди которых оказался актор [5, с. 91].

Французский социолог Жан Габриель Тард, несмотря на нежелание наделять понятие реальности онтологическим статусом, тем не менее считал его необходимым элементом разработанной им «социальной логики». Таким образом, социальная реальность предстает в схеме Тарда как мнимая сущность, участвующая (несмотря на свою виртуальность) в мышлении индивида, а значит, и влияющая на его поведение [4, с. 78].

По большому счету, понятие реальности необходимо всем теоретикам как важнейший элемент комментария чужих взглядов, а также как элемент автокомментария. В силу этого понятие социальной реальности является теоретически и даже идеологически нагруженным. «Носители различных культурных кодов пользуются разными моделями восприятия социальной действительности, в том числе через употребление различных символических систем, что отражается в используемых ими языковых конструкциях, а кроме того, в стилях письменной и устной интеракции», – отмечает Л. Г. Интымакова [3, с. 36].

Для второй половины XX столетия наиболее характерным в области социальной теории стало стремление избавиться от избыточной теоретичности своих построений. Концептуальные основания для радикальной модернизации взгляда на предмет социологии были взяты главным образом из феноменологической философии Э. Гуссерля.

Однако его выводы существенно отличаются от выводов, сделанных реалистом Францем Brentano. Основоположник феноменологии убежден, что то, чем для нас является реальность, всецело обусловлено конститутивной деятельностью сознания. При этом результатом конституирования становится не теоретико-концептуальная конструкция, а некоторая совокупность смыслов, которые мы приписываем феноменам внешнего мира. Эта позиция подвергалась и подвергается критике со стороны тех, кто считает внешний мир независимым от сознания.

Но если применить эти рассуждения не к области мира вообще, а только к области мира социального, то парадоксальность данных выводов резко снижается. Дело в том, что понимание социальной реальности не тождественно пониманию физической реальности, в основе которого лежит непосредственное восприятие феноменов. В этом случае мы имеем дело непосредственно с деятельностью сознания. Ненаблюдаемость социального с самого начала воспитывает в человеке умение мыслить его как результат абстрагирующей деятельности ума.

Таким образом, понятие реальности является своего рода центром герменевтического круга, той осью, вокруг которой происходит бесконечный цикл интерпретаций. Но понятие социальной реальности является специфичным в том смысле, что оно порождено теоретизированием особого рода. Своим возникновением оно обязано ряду интеллектуальных течений, приведших к парадигматическим изменениям в мировоззрении и мышлении последних двух столетий.

Литература

1. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменчивости. М.: Книжный дом «Университет», 2001. 896 с.
2. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с. («История социологии в памятниках»).
3. Интымакова Л. Г. Формирование ценностных ориентаций личности как способ воспитания толерантной личности в поликультурном социуме // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2018. № 2. С. 35–39.
4. Тард Ж. Г. Монадология и социология / пер. с фр. А. Шестакова; послесл. Д. Жихаревича. Пермь: Гиле Пресс, 2016. 124 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
6. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Vol. 1. 2nd ed. N. Y., 1927. 1150 с.

УДК 159.9

*Е. А. Дурасова, Л. А. Лазаренко (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет*

Дисморфофобия и факторы её возникновения

Феномен дисморфофобии остается одним из самых противоречивых и малоизученных в психологии, чаще всего он выражается в нарушении восприятия человеком образа своего тела. В настоящее время выросла потребность в ухоженном, привлекательном внешнем виде, в связи с чем растет самокритичность человека, что может привести к физическим и психологическим проблемам, в том числе и дисморфофобии. Необходимо определить, какие факторы могут способствовать формированию неадекватного восприятия тела и какова роль каждого из них.

Ключевые слова: дисморфофобия; восприятие тела; ретушь; пластическая хирургия; расстройство пищевого поведения; диета; стандарты красоты; образ тела; социальный идеал; социокультурная среда